

© 2014 г.

Юрий Швецов

доктор экономических наук, профессор
(Алтайская академия экономики и права, г. Барнаул)
(e-mail: yu.shvetsov@mail.ru)

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

В статье констатируется ассерторическая ущербность теоретической платформы рыночного хозяйства, обосновывается необходимость переосмысления всех ее методологических принципов.

Ключевые слова: экономика, нравственность, экономическая теория, типы хозяйствования, материализм, человеческий фактор, метафизичность явлений, духовные ценности.

Экономика и нравственность: что может быть между ними общего? Первое из этих двух понятий характеризует явление сугубо материальное: процесс товарно-денежного производства как результат взаимодействия хозяйствующих субъектов, выражающийся в объективных макро- и микро-экономических показателях эффективности их деятельности. Вторая дефиниция всеми традиционно связывается с духовной сферой жизни общества, с определенными этическими нормами поведения людей.

Итак, экономика – это вещественная основа существования индивидуумов, жестко-прагматическая сфера их деятельности, а нравственность есть продукт духовного совершенствования человека, относящийся к области сознания. Экономика – это базис, материальный фундамент декора, а нравственность – суть надстройка, духовный его сегмент. Тем не менее, как это всегда и бывает в жизни, эти два понятия являются единством противоположностей, не исключających, а, наоборот, дополняющих и развивающих одно другое.

Законы экономики не могут быть этически выхолощенными; они должны быть неразрывно связаны с внутренним миром личности и его духовно-нравственными ориентирами. Это не находит отражения в современной экономической теории с ее игнорированием или неприятием последних. Отсюда вытекает необходимость переосмысления многих методологических принципов экономической науки.

Однако все имеющиеся в наличии учения – меркантилизм, физиократия, классицизм, неоклассицизм, марксизм, институционализм, кейнсианство, экономикс, маржинализм и пр. – сходны в главном: считают рынок

безальтернативным стержнем производственных отношений в обществе. Тем самым все богатство и разнообразие субстанционального бытия человечества и прежде всего экономической жизни сводится к представлениям до уровня примитивного экономического материализма.

Обратимся, для примера, к недавним публикациям в российских центральных журналах. Они довольно тривиальны в своих рассуждениях, исходя из абсолютного глобального значения фундаментальных принципов рыночной экономики.

Реальную угрозу материальному базису общества В. Кудров усматривает прежде всего в том случае, если «экономическая наука в значительной мере может вновь стать пропагандистом примитивной модели государственного насилия над экономикой».¹

Позиция Ю. Князева такова: «Рынок представляет собой бесценный социальный институт, призванный решать общественно важные задачи в экономике посредством саморегулирования». А «очередной «провал рынка» можно предотвратить только сознательным регулированием со стороны государственных органов, опираясь на классические условия рыночного равновесия и экспертную оценку безопасности отступления от них с учетом современных плюралистических возможностей влияния на кредитно-денежную политику».² В целом Ю. Князев не изменяет своей позиции непримиримого «государственника».

Тем не менее Ю. Князев в другой своей работе подчеркивает, что «... актуализировался вопрос о социальной сущности капитализма, о его жизнеспособности, о совместимости этого общества с общечеловеческими идеалами справедливости..., оживилась дискуссия о возможности превращения современного капитализма в более справедливое общество», в связи с чем со всей остротой встала проблема «идентификации типа общества, в которое перерастает современный капитализм...». Задаваясь далее дилеммой соотношения справедливости и эффективности в материальном базисе общества, автор делает бесспорный вывод о том, что «стремление к экономической справедливости означает сначала бессознательную, а затем и осознанную тягу человека к равным возможностям занятия хозяйственной деятельностью и к такому присвоению ее результатов, которое бы не приводило к закреплению временного имущественного неравенства». Однако решение проблемы автор видит лишь в рамках собственной динамики системы.

¹ Кудров В. К оценке российской социально-экономической системы // Общество и экономика, 2012, № 9, С. 28, 30–31.

² Князев Ю. О возвращении экономики к здравому смыслу // Общество и экономика, 2012, № 3–4, С. 60, 78, 77, 78.

«Было бы неосмотрительно отрицать возможность дальнейшего продвижения капитализма к еще большей справедливости» – пишет он, настаивая на том, что «рынок как объективный социальный механизм саморегулирования производства, распределения и потребления товаров не может быть отменен без ущерба для нормального развития экономики». «Лечение» капитализма Ю. Князев предлагает осуществлять по рецептам государственного в него вмешательства, как будто терапевтическая сила воздействия последнего не доказывала, причем неоднократно, свою полную беспомощность и отсутствие всяческого гуманизма¹.

Т. Койчуев отмечает: «На постсоветском пространстве остро ощущается потребность в экономической науке, способной глубоко осмыслить сущность сложившейся постсоциалистической общественной системы, неадекватность этой системы потребностям общественного прогресса, провести взвешенную, но принципиальную переоценку унаследованных теоретических постулатов и нынешних моделей и ориентиров, разработать пути более успешного развития общества».

Размышляя о требованиях, предъявляемых к такому учению, автор подчеркивает, что существо его должны составлять «размышления действительно свободные, раскованные, дискуссионные. Они не замыкаются в кругу «вечных» положений одной школы, не находятся в плену чисто экономических подходов. Они наполнены философским смыслом...». Но его статья ограничивается абстрактными рассуждениями о неэкономических резонах формирования материального базиса социума².

Уже с 90-х гг. прошлого века многими учеными оживленно обсуждаются варианты будущей экономической модели³. Крах рыночной экономики для них, в отличие от предыдущих авторов, – факт уже достаточно очевидный. Но вот что характерно. Большинство исследователей в качестве панацеи для выхода из кризиса рекомендуются исключительно превентивные меры, в числе которых ориентация на «перегруппировку сил» в системе мирового хозяйствования, сохранение в явном или неявном виде бинарного сценарного условия: лидеры – аутсайдеры, ставка на новые технологические принципы и совершенные способы экономической деятельности. Однако все предлагаемые новации, даже самые революционные из

¹ Князев Ю. Справедливость и экономика // Общество и экономика, 2012, № 1, С. 34, 38, 47, 48, 51, 57.

² Койчуев Т. Экономическая наука: ответственность перед будущим // Общество и экономика, 2012, № 12, С. 10–19.

³ См., напр., Ставинский Н. Капитализм сегодня и капитализм завтра. – М: Изд. УРСС, 1997; Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1990; Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществознания // Вопросы философии, 1997, № 10 и др.

них, неизменно воспроизводят основополагающий порок теории – культ экономического материализма.

П. Кохно делает вывод о том, что «...путь к постиндустриальному обществу как относительно отдаленной цели, очевидно, должен пролегать через смешанную, социально ориентированную экономику, через комбинацию рыночных и нерыночных факторов, конкуренции и сотрудничества, эффективности и справедливости, частных и общих интересов, индивидуальности и коллективности, самоорганизации и организации – этих, хотя и противоречащих друг другу, но не взаимоисключающих сущностей»¹.

Но социально ориентированная экономика невозможна без возрастания роли моральных факторов в экономических отношениях. Ведь и в нынешней экономической модели рыночные и моральные начала постоянно вступают в противоречие друг с другом. Разумеется, мы не отрицаем глубоких изменений в социально-экономических отношениях, которые позволяют говорить о продвижении к социально ориентированной экономике в рамках ее капиталистического типа и усиления социальных гарантий для общества. В условиях капиталистического способа производства этические нормы – это всегда лишь некий суррогат этических начал.

Попытка приблизить прагматизм рыночной экономики к религиозным идеалам была предпринята авторами тоухидной ее модели, в частности, А. Бонисадром.² В соответствии с последней, экономика – это одно из средств сближения с Аллахом, механизм реализации религиозной морали, а не инструмент удовлетворения потребностей человека. Но последовательное применение подобных положений на практике открывает путь к отрицанию современных товарно-денежных отношений.

В качестве модели в «тоухидной экономике» Бонисадра выступает идеальное исламское общество, где каждый является собственником средств производства. При этом собственность на последние ограничивается пределами трудовых возможностей каждого человека, а не капитала. Высокий доход, полученный без приложения дополнительного личного труда, неправомерен... Автор видит образцовое исламское общество как мир, где господствует изобилие и отсутствуют государственные границы, и где главной ценностью провозглашается знание.

Теоретическая платформа тоухидной экономики в целом выглядит довольно привлекательно. Однако более детальное с ней знакомство обнаруживает наличие существенных изъянов, которые автоматически переводят заявленные цели в разряд декларативных. Прежде всего, и это главное,

¹ Кохно П. Современная цивилизация: возможные контуры будущего // Общество и экономика, 2011, № 8–9, С. 95, 103, 105.

² Беккин Р.И. Тоухидная экономика как разновидность исламской экономической модели // Проблемы современной экономики, 2012, № 2.

реализацию искомой модели предлагается осуществлять в условиях неизблемости рынка, т. е. путем совмещения несовместимого. Кроме того, данная теория не признает связь частной собственности с товарно-денежным характером производства, основывается на непрременной автаркии исламского государства (противопоставлении его остальному миру), проблему эксплуатации труда сводит к несовершенному механизму использования прибавочного продукта и прибавочной стоимости и пр. Концепция тоухидной экономики вводит ее сторонников в заблуждение, ибо обозначенные ею благие цели, подчиненные нравственному императиву, недостижимы предлагаемыми методами, позаимствованными из арсенала отрицаемого на словах капиталистического способа производства.

В ряду критиков рыночной экономики и порождаемого ею общества потребления особое место занимают религиозные деятели. Однако все их призывы к нравственному совершенствованию, верные в своей основе, тем не менее объективно не могут быть канонизированы в реалиях товарно-денежных отношений. Принципиальная ошибка богословов все того же свойства: в попытке истолковать суть справедливого экономического строя категориями рыночного хозяйствования. Конкретным подтверждением сказанному является разработанный православными священниками перечень нравственных устоев экономической деятельности,¹ представляющий из себя на самом деле типичную эклектику благих, верных в своей основе пожеланий, но ошибочных толкований механизма их реализации на практике.

Из них выделяются следующие:

- «идеальная модель хозяйствования не существует сейчас, но к ее воплощению можно и должно стремиться в повседневности;
- необходимо создавать такой экономический уклад, который поможет гармонично реализовывать как духовные устремления, так и материальные интересы личности и общества;
- культ богатства и нравственность в человеке несовместимы;
- честное хозяйствование исключает обогащение во вред обществу;
- общество не должно делиться на сверхбогатых и сверхбедных;
- состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности».

Остановимся более подробно на тех декларируемых принципах (всего их 12), которые, на мой взгляд, изошренно-искаженно интерпретируют основные устои справедливого социума вообще и его экономической модели в частности.

¹ Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Принято на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора. // Православная беседа, 2004, № 2.

1. «Исторически российская духовно-нравственная традиция по преимуществу склонялась к приоритету духовного над материальным, к идеалу самоотвержения личности ради блага народа». Превосходство духовного над материальным никоим образом не может сводиться к самопожертвованию личности ради нередко эфемерных и во многом абстрактных общественных благ. Каждый индивид – непреходящая ценность в Мире, истинное благополучие недостижимо за счет страданий, причиняемых социумом даже отдельно взятому человеку. Не случайно далее по тексту говорится о том, что «...крайности такого выбора приводили к страшным трагедиям».

2. «Для нравственного человека собственность есть не только средство извлечения выгоды, но и средство служения идеалам добра и справедливости». Для альтруиста собственность никогда не является самоцелью, и уж тем более он не будет ее использовать для барышничества; кроме того, последнее – атрибут рыночной экономики в ее чистом виде.

3. «Деньги – лишь средство для достижения поставленной цели». И это заявление соответствует реалиям исключительно капитализма, вне которого деньгам отводится весьма скромная роль средства обращения.

4. «Важнейшая функция государства заключается в эффективном контроле над соблюдением договоренностей». Основной предпосылкой проведения любого мониторинга является подозрение контролирующего лица о возможном наличии в действиях контролируемого субъекта личной корысти в совершаемых действиях. Благодатная почва для нее – это сами товарно-денежные отношения.

5. «...в России главный лозунг делового сословия звучал так: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли». Основной закон существования рыночной экономики – извлечение прибыли любой ценой, в том числе за счет эксплуатации наемного труда, спекулятивных операций, ростовщичества. Это – норма, аксиома бизнеса, накладывающая при занятии им вето на любые попытки проявления сентиментальности. Поэтому вышеприведенная фраза звучит красиво, но не более того.

6. «Политическая власть и власть экономическая должны быть разделены. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение может быть только прозрачным и открытым». Но это скорее утопия. Многолетняя история общества практически не знает примеров открытости власти и бизнеса.

7. «Конкуренция – один из двигателей экономики. Конкуренция является достойной и нравственно оправданной, если не разрушает деловые отношения». Конкуренция не может быть этичной, она есть борьба корыстных людей за материальные блага, в процессе которой, как показывают вековые традиции, стороны не гнушаются недобросовестными средствами.

8. «Приватизация – не самоцель. Нравственно оправдана законная передача общественной собственности в частные руки». Но передача общественной собственности под частную юрисдикцию означает заведомо необъективное предпочтение одних лиц в ущерб другим, создает условия для материальной разностатусности первых и вторых, которая неизбежно принимает гипертрофированные формы в декоруме потребления.

Все-таки нельзя запрячь в одной упряжке «коня и трепетную лань». Призывы церкви к гуманизации человеческих отношений рынок попросту не слышит, методично и целенаправленно сортируя людское сообщество по уровню благосостояния его индивидов. Но если попытки объединения нравственности и экономики, этики и вещизма тщетны, а сам капитализм уже близок к пределу своего существования, остается только один путь развития человеческой цивилизации – **сознательного отказа** от рыночной экономики в качестве материальной базы социума.

Этот вывод выдвигает необходимость определения основных параметров ее возможного правопреемника, в связи с чем нельзя не сказать несколько слов о новой модели экономики. Таким антиподом-правопреемником представлялась **социалистическая система хозяйствования**. Эта попытка потерпела неудачу.

С одной стороны, в СССР сложилась стройная система бесплатного образования и здравоохранения, социальной поддержки населения, создан действенный механизм формирования общественных фондов потребления, задействованы мощные институты реализации творческого потенциала людей и пр.

С другой стороны, продолжилась порочная практика отношения к человеку как к ресурсу, который нещадно эксплуатировался в целях достижения мифических «державных интересов», т. е. все происходило по принципу: не государство для человека, а наоборот: человек для государства, а точнее – для государственной бюрократии. Не будем в данном случае говорить о роли государственного террора.

Соглашусь с А. Глинчиковой в том, что «...«реальный социализм» рухнул не потому, что общественного интереса как ценности было слишком много, а потому что революционный запал общественного творчества раннего этапа был почти совершенно вытеснен и искусственно ограничен чисто частным интересом и дискредитирован в ходе последовательного отчуждения граждан от самостоятельного участия в экономической и политической жизни общества. Узурпация государством общественной составляющей индивидуальной активности людей под лозунгами «общественной собственности» привела, с одной стороны, к соединению в сознании людей принципа «общественной ценности» и «общественной собственности». А с другой – к заблуждению относительно главной причины заболева-

ния системы – о якобы «недостаточном уважении к частному интересу». В то время как это «уважение» на социальном уровне было фактически гипертрофировано, без компенсации реальным уважением к интересу общественному»¹.

В мировом научном, да и не только научном, сообществе отношение к Октябрьской революции крайне противоречиво в диапазоне от злобно-негативного до восторженно-позитивного. К числу последних, несомненно, относится и известное произведение М. Лифшица, которое представляет из себя своеобразный гимн социализму, изложенный в литературной форме. Этот дифирамбический трактат, написанный очень эмоционально, даже патетически, изобилует, однако, серьезными методологическими погрешностями. Остановимся только на главных.

Автором тенденциозно навязывается как абсолют изобретенная им особая форма нравственности – революционная. Но у нравственности отсутствуют разновидности, она либо есть, либо ее нет. «Материалистическая» нравственность автора вполне лояльно относится к Злу, ибо «при известных обстоятельствах насилие есть неизбежная, хотя и тяжкая необходимость»².

Насадить добро *внешним принуждением* к нему невозможно, оно кропотливо культивируется самим человеком посредством его доброй воли. Можно только посеять росток добра в душу индивида, но превратить это зерно в могучее дерево всепоглощающего света божественной любви – задача самой личности. Подлинная свобода и братство людей достигаются не скороспелыми восстаниями и революциями, демоническими силами борьбы, несущими лишь зло и хаос, а повседневной эволюцией, самосовершенствованием духа и души каждого представителя *homo sapiens*. Общество, создающее для этого подходящие условия, есть единственно прогрессивное и нравственно зрелое.

В революциях же участвуют слишком *разные* по эволюционному развитию люди, проявляющемуся прежде всего в неодинаковом толковании нравственных ценностей и отношении к ним. Поэтому объединяющий личности на борьбу душевный порыв и энтузиазм всегда краткосрочны, и после неминуемого их исхода неизбежно начинают проявляться расхождения индивидов во взглядах. После победы ее эйфория быстро рассеивается, эмоциональный подъем единения иссякает, уступая место спаду, будням повседневного реализма. Начинается размежевание: лидеры отделяются от ря-

¹ Глинчикова А.Г. Частная собственность и общественный интерес – дилемма России // Вопросы философии, 2011, № 3, С 6–7.

² Лифшиц М. Нравственное значение Октябрьской революции // Российский экономический журнал, 2012, № 5, С. 30, 27.

довых участников; первые занимают командные высоты власти или близко к ним, дающие возможность максимально получать материальные блага, а вторые озабочиваются изысканием путей к нормальному существованию.

Резко негативно оценивает период социализма В. Кудров, заявляя, в частности, что «марксизм был не столько догматической наукой (а потому не вполне научной), сколько идеологией революции против капиталистического строя... Объективной целью... развития Маркс и Энгельс полагали построение коммунизма, обозначенного лишь примитивной пропагандистской формулой и являющегося, совершенно очевидно, утопией»¹. Это действительно так, но в утопию марксизм превратился благодаря агрессивноматериалистическому запалу своего учения, считавшего химерой этические аспекты бытия человека, с головой погрузив его в болото прагматизма и бездуховности и лишив того главного – свободы и справедливости.

А. Любинин провел сравнительный анализ двух основополагающих направлений, безраздельно властвующих в поле современной экономической теории, двух политэкономий: неоклассической (буржуазной), или экономикс, и марксистской. Он скрупулезно «сканирует» достоинства и недостатки обеих школ научной мысли, отстаивает их фундаментальность, защищая от притязаний на роль «науки наук» со стороны новейших парадигм знания. Но нам интересен не столько спор о том, какая из перечисленных концепций более выигрышна и почему, сколько вопрос об их принципиальных расхождениях в отношении к главному участнику производственного процесса – человеку. Таковых, однако, не обнаруживается.

В основу марксистской политэкономии, указывает А. Любинин, положено, во-первых, «материалистическое понимание истории», из которого следует, что люди творят историю согласно объективным законам развития общества, зависящим в конечном счете от экономической основы. Тем самым из исторического процесса удаляется не только «абсолют» («Бог»), но и отдельно взятый субъект. Пренебрежение потребностями конкретного субъекта превращает разрабатываемую теорию в безнравственную.

«Во-вторых, – пишет далее автор, – параллельная марксова акцентировка другой, противоположной, стороны общественного бытия, связанной с активностью отдельно взятого субъекта, преследующего свои особые цели и по-своему относящегося к окружающей среде, вырабатывающего свои представления о жизни и собственном месте в ней, проявляющего свое деятельное отношение к социальным процессам. Речь идет об области массового обыденного сознания, которым люди руководствуются в повседневном поведении, о стихийно складывающихся способах психологи-

¹ Кудров В. К оценке российской социально-экономической системы // Общество и экономика, 2012, № 9, С. 26, 27.

ческого и эмоционального приспособления к окружающей социальной, в том числе социально-экономической, действительности». Но и здесь нет полноценного учета личностных качеств человека, ведь нельзя же всерьез о нем говорить, апеллируя к стихийности явлений и к необходимости не преобразования действительности, а лишь приспособления к ней.

Схожее отношение к человеку как фактору производства прослеживается и у экономикс. Ее авторы стремятся «исходить в экономическом анализе из таких причин, которые имели видимые основания в природе... исключить все то, что зависит от мнения и желания людей...». Правда, к предмету экономической науки А. Маршалл, например, относит «...побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни», а экономическая наука «имеет дело с постоянно меняющимися, очень тонкими свойствами человеческой натуры» и «занимается главным образом теми желаниями, устремлениями и иными склонностями человеческой натуры, внешние проявления которых принимают форму стимулов к действию...».

«В итоге оказывается, – заключает А. Любинин, – что «экономикс» – политэкономия субъекта, его психофизиологических проявлений в процессе хозяйственной деятельности... Причем объяснения, которые предлагает эта политэкономия, отражают уже не объективные причины и свойства: они суммируют субъективные мнения, в том числе иллюзии, трактуя их в качестве реальных фактов»¹.

Следует признать: доктрина «экономикс» мало чем отличается от марксистской политэкономии: все та же анархия рынка, к которой личность вынуждена постоянно приноравливаться в форме рационального выбора. Неоклассическая экономическая теория столь же этически непривлекательна, как и ее основной оппонент, и это хорошо видно из высказывания одного из представителей экономикс – Ф.А. Хайека: «Я не считаю, что получившее широкое хождение понятие «социальной справедливости» описывает какое-то возможное положение дел или хотя бы вообще имеет смысл».²

Современная экономика, которой с незапамятных времен уготована участь кальки, фиксирующей перемещение вещественного богатства в общающихся сосудах социума, опутанного сетями рынка, превратилась в настоящий театр абсурда. Так, Нобелевский лауреат Роберт Лукас, несколько не стесняясь своей позиции, прямо заявляет о цели, которую он преследует в своих исследованиях: «создание механического искусственного мира, населенного взаимодействующими между собой роботами, ко-

¹ Любинин А. Две политэкономии: социально-экономического развития и процессов хозяйствования // Российский экономический журнал, 2012, № 1, С. 95, 97–98.

² Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992, С. 17.

торых обычно изучает экономика». Экономическая же теория, по его мнению, это лишь то, что «можно поместить в компьютер и прогнать на нем».¹ Поэтому тысячу раз прав Дж. Кэй, выносящий убийственный вердикт: «Современный экономист – это клинический врач без пациентов, инженер без проектов. И поскольку такие экономисты не занимаются проблемами, стоящими перед реальными компаниями или семьями, клиенты к ним и не приходят».²

Явственно проявляется бессилие современной экономической теории дать импульс дальнейшему совершенствованию общества в рамках существующих производственных отношений.

Симптоматичным представляется современная ее трактовка особенностей проявления и роли личностного фактора в сфере материального производства. В статье М. Сторчевого «Новая модель человека для экономической науки» отмечается, что «сначала экономисты рассматривали все культурные и психологические факторы как «шум», который искажает, но не опровергает действие рационального выбора. А области, где «шум» достигал критического значения (например, дружба или политика), были объявлены «неэкономическим поведением».

Далее автор приводит развернутую аргументацию собственного видения этой проблемы, в соответствии с которым «принципиальным отличием новой модели рационального выбора является главная цель деятельности человека. Если в традиционной модели этой целью была максимизация полезности, то в новой модели максимизация представляет собой в лучшем случае одну из подзадач, а единственная конечная цель деятельности – выживание (? – Ю.Ш.). Соответственно, все, что увеличивает шансы на выживание, считается в новой модели рациональным выбором, и наоборот».

Итак, выживание провозглашается главной целью человеческого существования. Именно ей, по мнению автора, подчинены все три уровня принятия решений – биологические инстинкты, культура и интеллект. Здесь прослеживается очень интересная тенденция изменения взглядов рыночной политической экономии на метафизические характеристики человеческих взаимоотношений: от их полного отрицания хозяйственным механизмом («шум») до попытки прикладного использования и подчинения идеологии прагматизма.

Последнее предлагается реализовать путем приведения в действие целого ряда конкретных генетических и культурных программ, содержание ко-

¹ Lucas R. On the Mechanisms of Economic Development // Journal of Monetary Economics, 1988, vol. 22, № 1, P. 5.

² Кэй Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики, 2012, № 5, С. 9.

торых весьма показательно. Трудно привести более наглядный пример степени цинизма современной «науки». Моделирование человеческой личности автором рекомендуется осуществлять с одной единственной целью – полного истребления в ней потребности следования этическим предпочтениям. Какова выбираемая техника ее достижения?

Честность: потребность в ее программировании появляется в случае, «если разум человека ограничен и он либо совсем не способен увидеть рациональных выгод честности, либо эгоистический инстинкт получения краткосрочной выгоды перевешивает и вытесняет любые мысли о потенциальных выигрышах и потерях в будущем».

Любовь: «интеллект эгоистичного человека может решить минимизировать число детей, поскольку это уменьшает уровень потребления самого человека... С другой стороны, для эффективной конкуренции в современном обществе в детей необходимо вкладывать много ресурсов, и увеличение числа детей приводит к ослаблению конкурентных возможностей каждого из них».

Дружба: «способность получать удовольствие от дружбы относится к генетической программе, которая заставляет «неразумного» человека дружить с другими людьми, чтобы в нужный момент воспользоваться их ресурсами... В современном государстве, где хорошо налажена служба социальной помощи, а основные риски потерять источники средств к существованию застрахованы в страховых компаниях, необходимость искать поддержку у друзей отпадает. Следовательно, в таком обществе можно ожидать размывания культурных норм, поддерживающих дружбу между людьми».

Альтруизм: «в большом обществе вероятность повторной встречи с чужим человеком незначительна, что подрывает действие механизма взаимности... Следовательно, с увеличением размеров общества можно наблюдать снижение готовности помогать чужим людям... Еще одно объяснение альтруизма по отношению к чужим людям заключается в том, что, помогая нуждающимся, человек демонстрирует свое превосходство, свой более высокий статус... В данной модели альтруист демонстрирует всему сообществу свое благородное поведение, завоевывает всеобщее доверие и затем получает вознаграждение в виде дополнительных контрактов со стороны общества».

Патриотизм: «психологическую способность человека к патриотическим чувствам могут использовать компании для формирования лояльности своих работников, т. к. это отличное средство против оппортунистического поведения последних. Таким образом, генетическая способность человека к патриотическим чувствам может быть перепрограммирована культурой для повышения эффективности современной экономики».

Чувство прекрасного: «какова связь между умением ощущать прекрасное и экономическим благосостоянием? Конечно, удовольствие от созерцания прекрасного увеличивает полезность человека и благосостояние, но если она не работает на задачу выживания, это противоречит эволюционной логике... Чувство прекрасного позволяет человеку действовать более экономно, т. к. «прекрасным» человек называет то, что одновременно экономично по ресурсам и работоспособно технически».

Счастье: «в обществе, ориентированном на материальное благосостояние, «успешностью» будет считаться достижение сравнительно высокого уровня богатства. Соответственно, люди «счастливы», когда им удастся получить доход или приобрести богатство большее, чем у других. Логично предположить, что такое общество будет развиваться быстрее и эффективнее в материальном смысле, чем общество, в котором понятие успешности связано с внутренним миром человека или какими-то другими смыслами».¹

Конечно же, не примитивное выживание определяет целевые установки человека, а его непрерывное эволюционирование в стремлении приблизиться к Божественности. Поэтому сведение высоких нравственных качеств до узкоутилитарных материальных потребностей – это не что иное, как извращенная логика общества, где авторитет потребления устойчиво непоколебим.

В некоторых исследованиях всерьез задаются вопросами о том, «можно ли заменить ВВП на ВВС (валовое внутреннее счастье)», а также как «максимизировать счастье страны»; имеются работы, где «предпринимается попытка понять факторы счастья», описать «корреляты счастья», «измерить гедонистический индекс «национального счастья», «отыскать детерминанты удовлетворенности», «выделить эгоистическую составляющую предпочтений», «обосновать метрику возможностей» и пр.²

Честность не измеряется выгодой, любовь не сводится к биологическим инстинктам, дружба не имеет ничего общего с эгоизмом, альтруизм не подразумевает никакого вознаграждения, патриотизм связан с естественным желанием помогать чужим людям, чувство прекрасного появляется в стремлении к гармонии, а счастье – это состояние души, осознающей свое высокое предопределение.

Остановимся на материалах еще одной статьи с не менее впечатляющим названием «Экономическая теория счастья как направление научных исследований»³. Последняя «рассматривает, какие экономические факторы и в

¹ Сторчевой М. Новая модель человека для экономической науки // Вопросы экономики, 2011, № 4, С. 79, 80, 82, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 95.

² Флербе М. За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния // Вопросы экономики, 2012, № 3, С. 34, 36, 37, 39, 43, 48.

³ Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики, 2012, № 2, С. 94, 96, 97, 99, 104, 100.

какой степени определяют человеческое счастье, как счастье человека зависит от уровня экономического развития страны, какие экономические параметры отражают «уровень счастья» общества в целом, как ощущение человеком собственного счастья влияет на результативность его экономической деятельности, какова мера ответственности за счастье самой личности и государства».

Какие же основные причины, по мнению автора, содействуют человеческому счастью? О. Антипина подразделяет их на две группы: экономические и неэкономические. К первой из них причислены «степень экономического развития страны в целом (в том числе доступность и качество медицинских, образовательных, страховых, рекреационных услуг), наличие или отсутствие работы (или источника дохода), размер индивидуального дохода, уровень среднедушевого дохода (в стране, среди членов профессионального сообщества, социальной группы), показатели инфляции и безработицы, а также колебания деловой активности в стране и в мире».

Вторую группу составляют «формальные признаки (возраст, пол, раса), индивидуальные качества личности (определяющие ее, к примеру, как экстраверта или интроверта, оптимиста или пессимиста), социальный статус (образование, профессия, семейное положение), способ проводить время (общение с близкими и друзьями, занятия спортом или хобби, участие в жизни сообщества, волонтерская деятельность, соблюдение религиозных обрядов, отдых), жизненные условия (климат и состояние окружающей среды, социальное расслоение, правопорядок и т. п.)».

Нетрудно заметить, что все перечисленные факторы обеих групп объединяет одно – они служат отражением сугубо материалистического восприятия действительности, потребительско-эгоистического образа жизни, в котором счастье связывается исключительно с возможностями получения телесно-чувственных удовольствий, с орбиты которого полностью выведены духовные устремления и душевные переживания.

Дальнейшее развитие теория индивидуального рационального выбора получила у И. Розмаинского. Ее содержание излагается столь же однобоко, только здесь оно уже дополняется анализом сущности «капитала здоровья», выполненным с той же гипертрофированностью, что и при исследовании других качеств человеческой личности: «...запас... здоровья определяет суммарное количество времени, которое он (человек – Ю.Ш.) сможет потратить, зарабатывая деньги и производя товары»; «по сути, закономерности управления инвестициями в капитал здоровья ничем не отличаются от закономерностей инвестирования в физический капитал».¹

¹ Розмаинский И. Почему капитал здоровья накапливается в развитых странах и «проедается» в постсоветской России // Вопросы экономики, 2011, № 10, С. 114, 115. См. также Хэндс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики, 2012, № 10, С. 52–75.

Вообще отношение к человеку в экономической теории – неизменно сугубо тактильное, его ценность она низводит, в основном, до носителя рабочей силы и потребителя материальных благ.

«Понятие «человеческий капитал» должно определять меру воплощения в человеке способности приносить доход».¹

«Человеческий капитал таковым является только тогда, когда инвестиции в человека обеспечивают реализацию конкретного экономического интереса».²

«Понятие «человеческий потенциал» включает в себя оба... аспекта (человека, как потребляемого ресурса, и человека, как потребляющего ресурсы)».³

Разумность бытия современного субъекта общества потребления, таким образом, оценивается исключительно материалистическими категориями его жизненных предпочтений. «Что касается рациональности современного Homo economicus, обособившейся от своего этического начала, то ей в высшей степени свойственны утилитарные представления о нравственном поведении: оно обладает ценностью в той мере, в какой приносит экономическую выгоду. Честность и умеренность являются добродетелями в том смысле, что выступают гарантами кредитоспособности и финансовой состоятельности индивида».⁴

Завершим рассмотрение этого вопроса прагматичным по содержанию высказыванием Р. Малахова: «...в экономике под концепцией рациональности предполагается... максимизация полезности или прибыли».⁵

Более глубоко и всесторонне рассматривается в экономической литературе другая метафизическая категория – *доверие*. Ф. Власов и Е. Колотовкина, отмечая, что «доверия добиваются и люди, далеко не безупречные в нравственном отношении, осознанно ориентированные лишь на получение личной выгоды» и что «доверие не обязательно сопряжено с уверенностью в добросовестности партнера», констатируют: «Первичным импульсом доверия во многих случаях являются не симпатия или антипатия к партнеру, а ожидаемые выгоды от сотрудничества»; «в условиях развитого рынка именно доверие к деньгам делает излишним личное доверие».

¹ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. – М.: Дело, 1995, С. 303.

² Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала // Общество и экономика, 2011, № 1, С. 15.

³ Там же, С. 20. См. также Мау В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики, 2012, № 7, С. 114–132.

⁴ Сорочайкин А.Н. Генезис рациональности. «Homo economicus» // Экономические науки, 2012, № 10, С. 56.

⁵ Малахов Р.Г. Определение ключевых гипотез синтетической программы исследования собственности // Проблемы современной экономики, 2008, № 4.

Снова налицо попытка, уже других аналитиков, отыскать денежный эквивалент для этической категории. Но, к их чести, исследование далее расширяет свои границы, в его орбиту включаются проблемы, которые рынок решить не в состоянии традиционными для него способами.

Анализируя виды доверия в экономике, авторы обращают внимание на субъект, не вовлеченный в процесс накопления капитала, – население: «Доверие населения к бизнесу зависит не только от структуры и уровня занятости, доходов и потребления, но и от того, насколько деятельность предпринимательских структур отвечает интересам общества... Доверие населения к государству определяется мерой согласия с политической линией власти, представлениями о справедливости принимаемых властью законов, объективностью и непредвзятостью чиновников, качеством предоставляемых государством услуг».

Оказывается, что помощь именно такого абстрактного для мира физического индикатора как доверие является наиболее действенной, позволяющей с высокой степенью достоверности проанализировать эффективность деятельности основных субъектов рыночной экономики – государства и бизнеса. Развивая далее свою мысль, ученые выдвигают трансцендентность в качестве основного критерия аллокации экономического пространства, настаивая на том, что этические принципы, к которым они относят и общественную мораль, являются одним из «основных элементов институциональной среды, в которой действуют экономические агенты и которые непосредственно формируют их ожидания. Неформальные нормы довольно устойчивы и не подвержены быстрым изменениям».

Именно поэтому «законы, например, и другие нормативные акты успешнее работают при условии, если соответствуют понятиям о справедливости, привычкам и традициям, укоренившимся в обществе. Если же этого нет, тогда нарушения закона могут стать массовыми, что будет означать его фактическое неисполнение, либо это исполнение наполнится несвойственным законом содержанием». Свои теоретические выкладки авторы подтверждают итогами внедрения в стране страховой медицины, накопительной пенсионной системы, реформирования ЖКХ и российского образования. Добавим от себя: это касается судьбы абсолютно всех других преобразований в социально-экономической жизни общества.

Подчеркивая далее, что «подмена множества социальных и духовных ценностей утилитарными ценностями наживы и потребления» стала уже весьма заурядным явлением, Ф. Власов и Е. Колотовкина делают вывод, который я целиком и полностью разделяю: «Здоровое общество отличается от больного как раз тем, что, наряду с ценностями накопления материальных благ, бытового комфорта и потребления, существуют иные ценности, связанные с гражданской ответственностью, солидарностью, сострадани-

ем и сочувствием, необходимостью помогать слабым, заботиться о будущих поколениях наших сограждан. Когда же... на первый план выступает погоня за материальным богатством, тогда... цели деформируются, что самым негативным образом отражается на всем обществе. К сожалению, именно такая подмена и характерна для современной России».¹

Подобное отношение к роли душевных качеств как к факторам, активно формирующим сферу материального производства общества, встречается в экономической литературе крайне редко. Как правило, если в своих исследованиях авторы и затрагивают эту тему, то стоят при этом на традиционных вульгарно-детерминистских позициях. Так, Д. Петросян и Н. Фаткина, ставя задачу сформулировать этические принципы социально-экономической политики государства, тоже, как и предыдущие исследователи, обращают внимание на «целесообразность равноправного сочетания формальных правовых и неформальных этических норм при регулировании поведения экономических агентов».

Обеспечения такого сочетания авторы предлагают достигнуть путем соблюдения требования «этичности коммуникаций». Но каким образом можно этого добиться, если эти агенты, как, противореча самим себе, заявляют ученые, «руководствуются собственными экономическими..., нравственно-этическими и иными критериями»? Последние не могут быть у каждого свои, они всеобщие, индивидуальными являются поступки, им соответствующие или их отторгающие. Коммуникации же экономических агентов преследуют только одну цель – получение прибыли, которая никак не связана с нравственными институтами.

Абсурдным представляется и выдвигаемое авторами требование, которого придерживается и В. Клисторин,² о необходимости ревизии и самих этических норм³. Нравственные принципы есть законченное совершенство, неподвластное, естественно, никаким метаморфозам. Трансформируются, причем зачастую в противоположных направлениях, только моральные устои в обществе в связи со сменой в нем формы государственного устройства, а также сами представления о духовных ценностях и отношение к ним у различных людей в зависимости от уровня их эволюционного развития.

Важнейший вывод, который закономерно вытекает из результатов анализа литературных источников, заключается в следующем: метафизич-

¹ Власов Ф., Колотовкина Е. Понятие доверия в экономике и российские проблемы // Общество и экономика, 2011, № 10, С. 68, 74, 75, 77, 78, 83, 85–87, 91, 93, 94.

² Клисторин В.И. Рыночная экономика, нравственность, этика и религия // ЭКО, 2012, № 10, С. 173.

³ Петросян Д., Фаткина Н. Этические принципы в социально-экономической политике России // Вопросы экономики, 2009, № 2, С. 128–129, 132.

ность явлений, сопровождающих процесс материального производства, имеет под собой объективную основу и является необходимой составной частью экономики. Рыночный же ее механизм, возвращающий только корыстолюбие участников производственной деятельности, обуславливает этическую противоестественность такого хозяйственного уклада.

Единственно возможным способом избавления от всепоглощающего меркантилизма в индивиде является сознательная ориентация общества на альтруизм во всех видах человеческих взаимоотношений, в том числе и в экономике; тогда такие свойства, как дружба, честность, благородство, любовь, сострадание, честь, великодушие сохраняются в первоначальной чистоте и не будут извращены законами рынка. Как социализм невозможно «врастить» в капитализм, так и гуманизированные сферы человеческого общежития не могут быть искусственно встроены в рамки рыночной экономики.

Все научные изыскания строятся по одному шаблону. В качестве предмета исследования традиционно выступают различные сегменты рыночного хозяйства, а применяемые при этом методы неизменно рассматривают экономические процессы как механистические действия, включая поступки и самого человека, сводя его роль к поведению робота. Содержание теоретических изысканий в области экономики научной ценности в себе не заключает, ибо в основе своей имеет набор знаний, во-первых, морально устаревших, а во-вторых, оторванных от общечеловеческих ценностей.

Нравственное структурирование экономики – вот путь ее прогрессивного преобразования, в соответствии с которым эффективность производственной деятельности находит свое выражение не в величине абстрактных параметров финансовой состоятельности различных субъектов хозяйствования – прибыли, рентабельности, ВВП и др., а обретает также *духовное измерение*.

Следовательно, внутреннее содержание рыночной экономики в виде целостной и стройной научной теории отсутствует, а наличествует только псевдонаучная концепция организационного механизма поддержания жизнеспособности капиталистической системы хозяйствования вкупе с рецептурой лечения ее наиболее хронических болячек и язв. Конечно же, такая зыбкая методологическая основа не может быть состоятельной.
